

Николай Леонов, Алексей Макеев

Эхо дефолта

Полковник Гуров

Николай Леонов

Эхо дефолта

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Эхо дефолта / Н. И. Леонов — «Научная книга», — (Полковник
Гуров)

© Леонов Н. И.
© Научная книга

Содержание

Пролог	5
Глава первая	12
Глава вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Иванович ЛЕОНОВ Алексей Викторович МАКЕЕВ Эхо дефолта

Пролог

Тяжелые атласные шторы глубокого розового цвета были освобождены от ламбрекенов, опущены и плотно сдвинуты. Они не пропускали ни лучика со стороны улицы, и казалось, что глубокая ночь или, как минимум, поздний вечер уже наступил, хотя было не совсем так.

Это все была иллюзия, и делалась она специально для Анатолия, потому что этот человек не любил яркого света. Он, можно сказать, вообще не любил никакой яркости и предпочитал полумрак как в общественной жизни, так и в личной.

А в очень личной жизни – тем более.

Нонна, которая как раз и являлась этой очень личной жизнью Анатолия Анатольевича Ветринова, как всегда, постаралась к его приезду сделать все так, чтобы он чувствовал себя уютно.

Да и зачем его раздражать? Как говорили знающие люди еще задолго до нас: не плюй в колодец, пригодится воды напиться... Ну, в общем, и все остальное в том же духе.

Ветринов для Нонны как раз и был тем самым колодцем из пословицы.

Вместо включенной люстры – и это Нонна старательно предусмотрела – в большой комнате, она же спальня, она же гостиная для встреч, смотря по необходимости, были зажжены свечи.

Три толстые фигурные розовые ароматизированные свечи в тонком белом хромированном подсвечнике стояли на столе рядом с бутылкой розового «Божоле» и двумя высокими стеклянными фужерами. Тоже розовыми.

Еще два подсвечника – высокие и блестящие, как вешалки в крутом бутике на Таганке, – стояли в двух углах комнаты: около окна и слева от двери.

Нонна валялась на расстеленной постели, на розовой, разумеется, шелковой простыне, и листала мятый журнал «7 Дней». Журнал был за прошлый месяц, но какая разница?

Прежде чем перевернуть страницу, Нонна привычно засовывала пальчик в рот. Страницы были гладкими, скользили. Поэтому и приходилось увлажнять палец.

Нонна читала какую-то глупую статейку, смысла которой не могла уловить, и думала о том, как она встретит Анатолия. Толика. Толю. Ляльку.

Когда его называли Толей или Толиком, Анатолий Анатольевич еще терпел, но последнее имя он не любил и соглашался на него только в редчайших случаях, когда...

Нонна засмеялась своим мыслям и решила: сегодня она постарается и сделает так, чтобы Толя снова смолчал, когда она назовет его Лялькой.

Она все сделает! Это уж точно!

Мысль была многообещающей и заманчивой, из нее потом (если все получится) можно будет что-нибудь да откачать в свою пользу...

В свою ли? Внезапно вспомнилась Ольга-швабра, и настроение начало обвально портиться.

Нонна отбросила журнал на пол и перевернулась на спину. Она лежала, рассматривала белый потолок и размышляла, как же поумнее, похитрее и побыстрее ей выполнить просьбу Ольги.

Ольга, Нонкина сестра, попросила денег. Много денег. И попросила она их вчера.

Для какого-нибудь чернявого и усатого шейха из микроскопического арабского оазиса, окруженного со всех сторон нефтяными вышками, эти десять тысяч долларов – наверняка совсем смешная сумма, даже почти незаметная. Этот шейх больше тратит на подсахаренные колючки для своих любимых верблюдов и ишаков. Ну и на сено для своих чистопородных, тоже арабских, лошадей.

А для Нонки десять штук баксов – это действительно деньги.

Пока еще Толя не стал выплачивать ей давно обещанного ежемесячного пенсионера, чтобы она могла себя ощущать солидной светской дамой, а не маленькой домашней проституткой, Нонна была весьма ограничена в средствах.

Но если подумать, то большие деньги ей пока и не очень-то и нужны. Пока все идет хорошо, и ощущение нескончаемого медового месяца не проходит.

Самое главное, что это ощущение не проходит у обоих. И у нее, и у Толи.

По крайней мере, ей так кажется.

Ольга – старшая сестра, мымра завидушая, не сумевшая ужиться с двумя мужьями, потому что они оба были хуже, чем любовники у ее костлявых подружек, – завела сейчас какой-то тяжелый и дурацкий роман с неким Павлом Ванильчиковым.

Этот Паша и с виду был не очень-то – ни ростом, ни доходами не вышел, – и, похоже, с головой у него не все нормально.

Паша унаследовал от бабки квартиру, продал ее, деньги куда-то там очень «удачно» вложил, конечно, прогорел, набрал долгов, снова вложил, снова прогорел... В общем, с таким бизнесменом не связываться нужно, а развязываться, причем быстро, резко и навсегда.

Но Ольга, как всегда, позавидовала, как всегда, поспешила и, как всегда, сделала не самый лучший выбор, опасаясь, как бы ее не опередили и кто-то другой, а точнее, другая, не перехватила бы ее драгоценнейшего Пашечку.

Можно подумать, что какой-то дуре может быть нужен этот надутый, глупый и нудный прыщ на ровном месте.

Хотя вот такая дура и нашлась – и это сама Ольга!

Нонка рассмеялась этим мыслям.

Ольга в очередной раз села в лужу, и так ей и надо. И вот вчера она примчалась к Нонке, скуксив жалобную морду из своей противной физиономии, и просила, просила, просила денег.

На фиг нужен такой любовник, если для него еще бегай и бабки собирай? Видите ли, у Пашечки настали сложные времена, ему, видите ли, нужно расплатиться с выросшими долгами, и еще он, видите ли, хочет заплатить долги за купленную машину! Видите ли, ему не хватает самой малости, всего-то грошей каких-то – десяти штук баксов!

Деньги эти не фантастические. Нонке казалось, что Толя не откажет, но лучше бы иметь эти деньги своими, чем отдавать их сестренке и ждать, когда ее незадачливый любовник начнет их возвращать. То есть по любой логике получалось, что лучше денег не давать! Отказать, сославшись на отказ Толика!

Но с другой стороны – вот взять и дать Ольге денег и этим жестом еще разок ка-ак утереть ее длинный нос! Ка-ак показать ей, что она опять, опять и снова не права!

Приятно это, говорить нечего. Просто приятно, и от этого настроение так классно улучшается, словно хорошую комедию по телику посмотрела. Типа «Голого пистолета».

Нонна зевнула, подумала, встала с дивана и направилась в кухню, шаркая тапочками. Нужно было посмотреть, как там себя ведут в печке итальянские антрекоты.

Толик придет голодный, по своему обыкновению, съест все, что Нонка ему подаст, привычно начнет ныть, что ему мало, а потом, после секса – это будет на второе, – станет ощупывать свой животик и придумывать себе ограничения, чтобы похудеть.

Нонка улыбнулась, вспомнив озадаченное лицо Толика, когда он впервые заподозрил, что увеличился в толщине.

У мужика пятьдесят восьмой размер при росте метр семьдесят, а он все еще думал о себе, как о стройном юноше. Аполлон! Толик, ты Аполлон вне всяких сомнений!

Нонна посмотрела антрекоты, немножко подумала, взглянула на часы, потом еще подумала, на этот раз совсем уж немножко, наиграла пальчиками на панели управления печкой правильную комбинацию, выставляя нужные ей цифры, и пошла обратно в спальню – валяться и ждать.

Мысли ее снова вернулись к Ольге, потому что долгое чтение надоело. Слишком длинные и утомительные рассказы начали печатать в этих разноцветных журналах. Целые романы. Совсем сдурели они там, что ли? Кто же в здравом уме станет такое читать?

Нонна потянулась, упала на кровать и начала снова думать об Ольге. Это было куда приятнее.

У Нонки таких денег, каких просила Ольга, понятное дело, нет и быть не может... Пока. Пока нет и пока быть не может, но сестра имела в виду, чтобы Нонна попросила деньги у Толика.

У Толика деньги просить приятно, но только для себя.

Он немного ворчит, потом думает, потом становится видно, как у него на лице проступает табло его карманного калькулятора. Толик в уме подсчитывает. Какие-то дебетовые складывает и какие-то кредиты убавляет. Или наоборот.

Нонка не была сильна в бухгалтерии, хотя она закончила книготорговый колледж и бухгалтерию во время сессии как-то там сдала.

Подробностей экзамена Нонна не помнила. Помнила только, что после почти бессонной ночи, вычитывая в учебнике полную чушь и ахинею, которую и понять никак нельзя, если ты еще не совсем с дуба рухнула, а только наполовину, и, пытаясь как-то уложить все эти сокровища в мозгах, Нонка пошла на экзамен с предчувствием полного провала.

Добралась с помощью короткой юбки, открытой кофты и жалобного взгляда до спасительного троечного берега и уже вечером на танцах навсегда забыла, что такое бухгалтерия и как переводится на нормальный язык это дикое слово.

Можно считать окончательно, что как женщина она в жизни состоялась, и дай бог каждому такое везение.

После колледжа Нонна немного поработала в смешной конторе, подготавливающей референтов непонятно каких предметов, потом поскучала чуток в одном магазине, ну а затем выдернула-таки счастливый билетик в жизненной лотерее и сошлась с Толиком.

Она зажмурилась, вспоминая обалдевшую рожу Ольги, впервые увидевшей эту квартиру. Сестренка была в ауте и в нокауте!

Она тут же поняла, что умной ей больше не быть никогда! Вот так вот!

А когда еще Нонка достанет Толика, и он, ворча и похмыкивая, то ли от чувства собственного благородства, то ли просто потому, что ему шевелиться тяжело, отсчитает бабки, тогда Ольга просто будет валяться в полном ничтожестве.

Вот так вам всем!

Нонка начала вспоминать обиды, полученные ею от Ольги. Список получался внушительный, даже если не брать далекое детство.

Кричала сестренка, что книготорговый колледж – это заведение для дебилок и дегенератов?

Еще как кричала.

Надувалась сестренка непробиваемой спесью от сознания того, что сама круто учится в МГУ на психологиню?

Еще как надувалась!

Вот теперь и учи детишек в лицее уму-разуму, пиши всякие гадости в дневниках и продолжай надуваться дальше.

А колготки у Ольги – тако-ой отстой. . .

Нонка зевнула и задержалась как раз на половине зевка, потому что во входную дверь позвонили два раза.

Она мухой слетела с дивана, очень точно, с первой же попытки, влезла в левую тапочку, а вот правой ногой все никак не могла попасть. Подлая тапочка скривилась, замялась и вообще норвила куда-то уползти. Вела себя, как живая и подлая.

– Сейчас! – громко крикнула Нонна. – Сейчас-сейчас! Уже иду! Уже-е!

Подлая тапочка не желала поддаваться и надеваться, и Нонка наклонилась, схватила ее в руку и побежала к двери.

Позвонили еще два раза, быстро, нетерпеливо. Так звонил только Толик. Хотя он имел от этой квартиры ключи, ну еще бы их ему не иметь – его же квартира, – но он всегда предпочитал сперва позвонить.

Как-то Толик, после того как побывал Лялькой, пообещал ей эту квартиру подарить. На день рождения. Но потом к разговору больше не возвращался. Наверное, забыл.

Нонна как раз сегодня собиралась поговорить с ним об этом. Или завтра. Однако Ольга, как всегда, все и испоганила. Деньги ей, понимаешь, понадобились!

Нонна подбежала к входной двери, бросила правую тапочку на пол, сунула в нее ступню и загремела замками.

Когда Толик в первый раз привел ее сюда – Нонна прекрасно помнила тот день, – она удивилась количеству замков и вообще внешнему виду двери. Сейф. Ну, натуральный сейф, какие в кино показывают.

Толик потом объяснял, что он же банкир, поэтому привык к надежности запоров и засовов, но Нонне в первое время было странно. Но не страшно. Просто странно, что она будет жить в такой квартире и за такой дверью.

А насчет привычек – это Толик просто загнул. Можно подумать, что если бы он был дрессировщиком, то здесь везде бы были решетки! И тигры без намордников по углам. Ерунда все это на постном масле.

Нонна распахнула дверь. За нею стоял он. Он!

– Привет, – улыбнулся Анатолий Анатольевич своей Нонне, перешагнул через порог и чмокнул красавицу в подставленную щеку.

Анатолий Анатольевич был мужчиной среднего роста, уже лысым, уже в сильных очках, но в хорошем костюме за две тысячи долларов, с коричневым шелковым узким галстуком «Handwork».

Выглядел Анатолий Анатольевич хорошо, даже прекрасно, но то, что ему перевалило уже за полтинник, было очевидно всем.

Самому Анатолию Анатольевичу, разумеется, это известно было в первую очередь, но он считал, что выглядит никак не старше сорока пяти или даже сорока четырех. То есть он еще очень молод и у него все впереди. В том числе и счастье на личном фронте.

– Почему так долго не открывала, Нюшка-хрюшка? – улыбаясь, спросил Анатолий Анатольевич, ставя свой кожаный портфель на пол в коридоре и снимая плащ. – Любовника завела и от меня его прятала?

– Нет, не прятала, – очень естественно ответила Нонна, – я его выпустила в окно. Он теперь убегает огородами.

– Или до сих пор летит. Надеюсь, ты его предупредила, что здесь двенадцатый этаж? – Анатолий Анатольевич снял ботинки и тщательно причесался перед зеркалом.

Нонна всегда отворачивалась, чтобы не заржать, когда он вынимал из кармана пиджака расческу.

– Забыла! – притворно ахнула Нонна, подхватывая шутку Анатолия Анатольевича, и приложила ладошки к щекам. – Что же теперь будет?!

– Теперь, как всегда, появится какой-нибудь ушлый шантажист, папарацци гребаный, не вовремя засевший с фотоаппаратом и высунувшийся из... – начал Анатолий Анатольевич.

– Из вертолета! – подхватила Нонна, подавая тапочки своему... пока Толику.

– Ну да, из него он и высунулся, – согласился Анатолий Анатольевич.

– Надеюсь, ты прикажешь расстрелять шантажиста на месте? – спросила Нонна.

– Ага. Из рогатки.

Анатолий Анатольевич подхватил портфель, еще раз поцеловал Нонну и пошел в кухню.

– Посмотри, что я принес! – довольным голосом провозгласил он.

Нонна, уже зная наверняка, что принес он ерунду, вроде замороженного овощного полуфабриката, пошла неторопливо, чтобы Толик хоть немного подождал ее. А то, что это такое? Он свистнул, она и прибежала? Ни фи-га! Пусть подождет, мы себе цену знаем!

Анатолий Анатольевич стоял посреди кухни с бутылкой вина.

Такая покупка не была необычна, но Нонну заинтересовала. Все-таки лучше, чем «Парижская смесь», или как там еще называется это замороженное вегетарианское дерьмо в пакетиках?

– Это что? – спросила она.

– Это вино! – приподнято сообщил Анатолий Анатольевич совершенно очевидную вещь. – Это вино, потому что на улице весна!

– Ты ведь меня любишь? – моментально отреагировала Нонна. А какая еще могла быть у нее реакция на слово «весна»? Только эта, и никакой другой.

– Ну-у... да, в общем-то! – немного смутился Анатолий Анатольевич и, сообразив, что Нонна недопонимает, вынул из портфеля вторую бутылку, поставил ее на стол и объяснил:

– Стало тепло, и поэтому заканчивается эпоха красного вина и начинается эпоха белого! Начинаем с «Блан де Блан». Жана-Поля Шене! Ты ничего не замечаешь необычного в этих бутылках?

Нонна почему-то, хотя еще и сама не могла себе сказать, почему именно, чувствовала себя немножко неуютно. Просто дурой она себя чувствовала, что уж тут скрывать! Какое-то вино, какая-то весна! К чему такие сложности? Купил, принес, выпили – и все! Точнее, не «и все», а «в койку – и все»!

Нонна посмотрела на бутылки и угасшим голосом констатировала:

– Ты меня не любишь, Толик! А я тебя так ждала! Я тебя... – Нонне стало себя жалко, и она поняла, что сейчас разрыдается.

Анатолий Анатольевич нахмурился, прокрутил в голове слова Нонны, потом свои, сказанные ранее, и туповато признался:

– Не понял!

– Да ладно! – Нонна махнула рукой. – Зато я все поняла! Эскалопы свои будешь? Или, точнее говоря, антрекоты?

Нонне стало себя жалко. Ну вот, всегда он так! Из какой-то ерунды делает проблему, а потом уже и не хочется ничего!

– Буду, но позже, – Анатолий Анатольевич выразительно посмотрел на Нонну и направился в спальню. Раздеваться.

Нонна бросилась в ванную включать воду. Толик любил, когда ванна была уже согрета. Обиды обидами, но когда показываешь негодю, какое сокровище он обижает, то даже самый распоследний мерзавец начинает испытывать муки совести и потом заглаживает свою вину колечком или браслетиком. Хотя какие браслетики могут залечить сердечные раны? Только с бриллиантками!

Через пятнадцать минут чисто внешне мир был восстановлен.

Анатолий Анатольевич сидел в напеченной ванне с фужером вина в руках, рядом с ванной на табурете примостилась Нонна.

Она тоже держала фужер, а на разделочном столике, находившемся рядом с нею, стояли тарелочки с сыром, мясом и фруктами.

– Ну, так продолжаю, – объявил Анатолий Анатольевич, поглядывая на просвет вино в фужере. – Шене – это, как говорил голосом Олега Табакова полосатый котяра Матроскин из мультика, «фамилие такое».

Нонна кивнула, героически сдерживая зевоту.

– Он был поставщиком двора французского короля-Солнца Людовика Четырнадцатого. – Анатолий Анатольевич не выдержал и еще больше углубился в одному ему интересный исторический экскурс. – Вот, кстати, еще один фокус: Людовик! Непонятно, почему у нас так переводят это имя. С французского на немецкий, а получается чисто по-русски. Сами французы называли своих Людовигов – Луи. Луи – и все!

Нонна снова кивнула и улыбнулась сквозь проступившие на глазах слезы. Она не собиралась плакать, потому что повода не было. Слезы были следствием убитого в самом зародыше неуместного зевка.

Может быть, Ветринов заметил это и понял, а может, и не заметил, но только он, продолжая с видимым удовольствием слушать самого себя, рассказывал дальше, словно аудитория пылала вниманием к его лекции, что было, конечно же, не совсем так:

– А Людовик вышеназванный был любитель покусать и выпить. И пил, как уже было сказано, ля белль мадемуазель, винишко этого Шене. И однажды, во время одного из обедов, Шене срочно вызывают к королю. Он бежит, спотыкается, прибегает, подходит к королю, все как положено, кланяется, делает свои реверансы и книксены, а король ему тычет пальчиком в бутылку, стоящую перед ним. Тычет и спрашивает: что, мол, сие есть, мессир Шене? Почему мне, да вдруг подсовывают такую гадость? Шене глядь, а бутылка по свинскому недосмотру сперва ханыги дульщика-стекловара, а затем придурка-завхоза – кривая! Горлышко сдвинуто набекрень, и, надо же было такой подлянке приключиться, бутылка встала на стол перед самим королем! Наверняка конкурент какой-нибудь подлянку подкинул. Они же, эти гадостные людишки, норовят подкинуть подлянку ближнему и испытывают от этого радостные чувства.

– Они такие, – подтвердила Нонна, чтобы не молчать, как дура.

Она скучала смертельно, но знала, как опасно прерывать очередную никчемную лекцию Толика. Осерчает же, кобелек занудный, и будет потом пыхтеть, как старый «москвиченок», который без подсоса никак завестись не может.

Нонка улыбнулась своей игровой мыслью. Анатолий Анатольевич, видя, что его вербальные экскурсы в историю оценены и даже найдены веселыми, тоже повеселел.

– И, короче, – снова завел он свою речь, – король ждет ответа! А Шене, не будь дурак, возьми и брякни: не могу, мол, молчать, ваше величество, этот бутылмент, как только вас увидал, сразу же и согнулся в поклоне перед вашим великолепием! Людовик посмеялся, отпустил своего поставщика без выговора и штрафных санкций, а с тех пор вся продукция фирмы Шене разливается только в кривые бутылки. Вот так вот!

«Вот так вот! – подумала Нонка. – Пришел ко мне, а мысли у него только про бутылки и всякую херню из древней истории. Скотина неблагодарная, как говорит Ольга, и, наверное, она права. Эта сука в оценке мужиков и их дурацких качеств почти всегда бывает права. Но все равно она сука. И швабра».

– Ты уже не дуешься, Нонка? – Анатолий Анатольевич отпил вина, прочувствовал его вкус и шумно проглотил. – Хорошо. Очень хорошо. Почему не пробуешь?

– Ты мне не ответил! Не сказал, что меня любишь! – напустила Нонна, наклоняясь к столику, чтобы взять пальчиками кусочек мяса.

Анатолий Анатольевич промолчал.

Нонна откусила кусочек и посмотрела на своего Толика.

Анатолий Анатольевич лежал в ванной, откинувшись. Рот у него был приоткрыт, открытые глаза смотрели вверх.

– Толик, ты что это? – не поняла Нонна. – То-олик!

Она посмотрела, как тонет уроненный Толиком в воду фужер, постепенно наполняясь водой, осторожно протянула руку и еще осторожнее дотронулась до плеча Толика.

Глава первая

Казалось, что генералу Орлову было очень неудобно сидеть в своем кресле. И совсем уж неуютно – в своем собственном кабинете.

Он облизал губы, ослабил узел форменного галстука, освобождая шею, зачем-то переложил на столе авторучки и карандаши сперва в одном порядке, затем – в другом, потом снова зачем-то взял эти карандаши в руки.

– Ты не молчи, Петр! – крикнул Гуров. – Взял моду! Сказал какую-то чушь и сразу же заткнулся, как сфинкс, твою мать! Не прокатит! Ты не молчи и объясни мне, наконец, какого черта я должен расхлебывать это дерьмо? Почему из всех, кого можно, ты вызываешь только меня?! Я что, здесь самый последний бездельник?

– Лева, понимаешь какое дело... – Орлов собрался что-то высказать, но Гуров его прервал:

– Я-то понимаю, какое тут дело есть и какого дела тут нет! Я все прекрасно понимаю! И сейчас тебе объясню!

Стас Крячко, как всегда, сидел, развалившись в кресле, вытянув вперед ноги, и блаженно улыбался.

– Он вам, господин генерал, объяснит, что вы не последний бездельник, а предпоследний. Последним в списке буду я! – развязно пошутил Стас и отвернулся, чтобы не встречать бешеный взгляд Гурова. Он решил, что еще успеет за сегодня насладиться такой радостью. И был, конечно же, прав.

Редкое совещание у генерала Петра Николаевича Орлова, начальника главка, проходило без бурных выяснений отношений между ним и Гуровым. Вот и сейчас Гуров, услышав про новое задание, которое собирался на него повесить Орлов, взвился, словно его собирались засылать в никчемную тмутаракань собирать прошлогодний снег.

– Ты выдерживаешь меня с дела, которое уже почти закончено, и посылаешь на это, потому что не можешь отказать какому-то хмырю из правительства! – раздражаясь все больше и больше, крикнул Гуров, указывая пальцем прямо во вспотевший лоб Орлова. – А то, что там уже до приезда опергруппы какой-то кекс намудрил и все перепутал и перемешал, тебя не смущает? Да плевать я хотел на все это! Это мой геморрой, а не твой! А ты не подумал, почему этот парнишка из высокого кабинета вдруг стал так резво подписываться и требовать быстрого расследования? Да и вообще, какого черта... – Гуров внезапно замолчал и махнул рукой. – Надоели вы мне все, как эта гребаная реклама по этому гребаному ящику. У меня отпуска неотгуленного месяца три или четыре! Я устал, мне надоело, уезжаю в Питер!

– А почему конкретно в Санкт-Петербург? – Стас внезапно влез в разговор, хотя еще секунду назад просто наслаждался привычной атмосферой и вовсе не собирался подавать голос ни при каких обстоятельствах, однако последняя фраза Гурова снова пробудила его любопытство. – А почему не в славный столичный город Конотоп, известный всему миру тем, что он является малой родиной нашего любимого мэра Юрия Михайловича? Чем это Питер лучше Конотопа? Снобизмом грешишь, Лев Иванович!

– Мария давно хочет Эрмитаж навестить, – мрачно ответил Гуров, не оборачиваясь, и добавил: – И вообще заткнись, паяц! Пока тебя просят по-хорошему.

– Да я молчу уже третий день или даже четвертый, – лениво зевнул Стас. – Очень мне надо вмешиваться в ваши разборки, словно больше делать нечего. У меня три журнала кроссвордов еще не изучены...

– Заткнись, Стас, я сказал! – крикнул Гуров и собрался что-то снова сказать Орлову, но тот, воспользовавшись передышкой, собрал все силы и снова бросился в атаку.

– Ты не прав, Лева, – Орлов проговорил эту фразу весьма веско и очень даже начальственно. – Тут дело в том, что слишком заметный человек умер, слишком подозрительной смертью, и ты прав, говоря про непонятки, возникшие до приезда оперативников. С этим нужно разобраться, и разобраться быстро. И расследование нужно провести в максимально короткие сроки. Дело тут вовсе не в шишке из правительства, о котором ты говоришь, а в том, что налицо заказное убийство, произведенное необычным способом!

Гуров глубоко вздохнул, собираясь снова возражать, Орлов быстро закончил, как видно, не надеясь, что через мгновение его не перебьют:

– А кого я могу поставить на такое сложное заказное убийство? Может быть, мальчика-стажера? Ну укажи мне хоть кого-нибудь! Все же заняты! Все! А ты свое дело уже почти закончил и сделал это прекрасно! Кто еще, кроме тебя, сможет справиться с убийством Ветринова?

– Лев пьяных не любил, сам в рот не брал хмельного, но обожал подхалимаж, – пробормотал Стас, и оба – Орлов и Гуров – внимательно посмотрели на него.

– А я чего? Я – ничего, – забормотал Стас. – Это, некоторым образом, наш штатный государственный баснетворец и гимнописец Михалков. Это он сочинил. В перерыве между гимнами и производством одаренных сыновей.

– Тебе сказали, заткнись, – устало напомнил Орлов.

– Он понимает только с пятнадцатого раза, – хмуро сказал Гуров, – и то, если после этого запереть его в темной комнате.

– Вместе с черной кошкой, – подхватил Стас. – А ты тоже культурный человек? Не ожидал. Ну прямо-таки никак и ни под каким видом.

Орлов, снова воспользовавшись передышкой, наклонился над столом и быстро проговорил:

– Лева! Надо это сделать быстро! Быстро, чтобы никто не мог сказать и подумать, что, когда убийца не пользуется автоматом или пистолетом, а еще лучше гранатометом, тогда угрозыск глух, слеп и ничего не может. Это дело надо разработать быстро, в кратчайшие сроки, – почти приказным тоном повторил Орлов, обнадеженный молчанием Гурова.

Но молчание это было как затишье перед бурей. В чем Орлов сразу же и убедился.

– Как я это могу обещать?! – вскричал Гуров. – Что значат эти твои «кратчайшие сроки»? Три дня, или, может быть, три часа, или три минуты?! А может быть, мне прямо сейчас, не сходя с этой табуретки, назвать убийцу?! Заказывай, Петр, тебе же надо!

Несмотря на то что Гуров сидел не на табуретке, а в высоком кожаном кресле, ему никто не возразил. Ну хочет человек называть итальянское кресло табуреткой – ради бога, называй, только не кричи и не ругайся.

– Достаточно будет, Лев Иванович, если ты просто возьмешься за это дело, – очень терпеливо и бережно, как ребенку, объяснил Орлов. – Мне этого будет достаточно. Обещаю тебе.

– Уж мы-то знаем, на что способен великий и ужасный Гуров. – Стас снова не промолчал, тут же пробормотал: «Ой, сорвалось, я нечаянно» – и втянул голову в плечи, словно ожидал удара. Однако бить его никто не стал.

– Заткнись, паяц! – рявкнул Гуров. – Сколько раз еще говорить?!

Генерал Орлов вынул из кармана кителя клетчатый носовой платок, развернул его и вытер взмокшую шею.

– Ну что ты всегда шумишь, Лева? – жалобно спросил он. – Или ты думаешь, что мне доставляет радость видеть, как ты тут яришься? Никакой радости мне от этого нет! Уверю тебя! Поверь, мне проще было бы посидеть в тишине и в покое где-нибудь на рыбалке.

– На пенсии насидишься еще, – огрызнулся Гуров. – Пнут под зад, и насидишься.

– Типун тебе на язык, Лева, – почти обиделся Орлов.

– А кстати, господа-товарищи! – Стас поднял голову и обвел всех присутствующих торжествующим взглядом. – Я совсем недавно узнал, что такое этот типун. Представляете, всего лишь нарост, шишка, болячка! Причем не у человека даже, а у птички на клюве.

– А птичку эту называют дятлом? – Гуров хмуро посмотрел на Стаса, и было заметно, что думает он о чем-то совсем другом. Не о дятлах.

– Это может быть любая птичка, – радостно пояснил Стас, – хоть павлин-мавлин, хоть попугай какаду! Но я сказал это к тому, что пожелание типуна есть поэтическая метафора. Вам приятно, господа, общаться с таким культурным человеком, как ваш покорный слуга? То есть служащий?

– Очень приятно, – вздохнул Орлов, понимая, что без Стаса сегодняшний разговор прошел бы тяжелее и, самое главное, дольше.

– Это я тебе потом скажу, – посулил Гуров Стасу. – Пошли работать, чего расселся! Не видишь, что ли, господин генерал нас озадачил, а теперь мы ему больше не нужны. Он на каждого верблюда грузит столько, сколько тот может унести.

Орлов еще разок сокрушенно вздохнул, но было заметно, что настроение у него начало улучшаться.

– Лева, ну когда же ты успокоишься? – почти жалобно спросил он. – Сколько лет тебя знаю, а ты все так же шумишь и скандалишь. Когда успокоишься-то?

– На том свете, Петя, – пообещал Гуров, вставая.

– Значит, я не дождусь, – Орлов сокрушенно помахал руками. – Мне кажется, что своими криками ты меня вгонишь в гроб раньше, чем сам в него соберешься лечь.

– Именно так и будет, – Гуров подошел к двери кабинета и отворил ее. – Мне тебя ждать? – спросил он у Стаса, задумавшегося о чем-то. – Или попросить письменно?

– Ни-ни-ни, герр полковник, я уже бегу! – Стас быстро подошел к двери, повернулся и шутя приложил руку к непокрытой голове: – Честь имею, господин генерал.

Орлов только махнул рукой.

Верочка, секретарша Орлова, сидевшая за своим столом в приемной, давно уже по опыту зная, как проходят стандартные совещания с Гуровым в главной роли, только вздохнула и спрятала глаза, когда раздраженный сыщик промчался мимо нее в свой кабинет. Хлопнула дверь приемной, но штукатурка не осыпалась. Она тоже была привычной.

Стас в который раз оказался более галантным, чем Гуров.

– Верочка, мечта моя, а я вам говорил, что вы прекрасно выглядите? – Стас остановился напротив стола, за которым сидела Верочка, и притворно восторженно взглянул на секретаршу. – Ах, какой шарман!

– Два раза уже говорил, Стас, – улыбнулась Верочка. – На прошлой неделе и вчера.

– Ну вот видишь! Ты уже вторую неделю замечательно выглядишь, а я, как дурак, хожу вокруг тебя, улыбаюсь, и все это без всякой надежды на взаимность. Скажи мне, что я злостно ошибаюсь! Успокой меня!

Дверь приемной отворилась, и заглянул Гуров.

– Ну ты что тут завис? Работать пора! Пошли, пошли, казанова!

– Вот так жизнь и проходит, – вздохнул Стас. – Не сложилось у песни начало...

Стас вздохнул, вышел из приемной и через несколько шагов догнал Гурова, почти бегущего по коридору главка.

– И не надоест тебе трепаться целыми днями? – на ходу бросил Гуров. – Когда же вспомнишь, что ты уже солидный мужик, а не мальчонка?

– А никогда! И не собираюсь этим заниматься! Вот так! – признался Стас. – Солидных мужиков – пруд пруди. Плюнь в собаку и попадешь в солидного мужика! А таких, как я, – вот, кроме меня, раз, два и обчелся!

Они вошли в кабинет, Гуров открыл дверки шкафа-гардероба и тут же вспомнил:

– А какой адрес этого... как же сказать-то?.. Любовного гнездышка?

Гуров недоуменно взглянул на Стаса.

– Петр говорил, что где-то в Трубниковском переулке, в доме номер... забыл. – Стас развел руками. – Тут помню, – он показал на затылок, – а тут... – Стас почесал за ухом. – Не помню ни фига. Надо же, какой ужасный парадокс!

– Вот и я тоже не помню... – задумчиво произнес Гуров, надевая свое пальто. – В отличие от тебя, не помню нигде.

– Но я сейчас вспомню, – пообещал Стас. – Причем самым простым и надежным способом! – Он подождал, когда Гуров отойдет от шкафа, тоже подошел и потянул наружу свою куртку.

– На голове постоишь? Или попрыгаешь? – Гуров подошел к своему столу и быстро сложил разложенные на нем документы и папки в стопку в левом углу. – Почему молчишь?

– На голове попрыгать предлагаешь? – раздумчиво повторил Стас, накинул на себя куртку и присел на краешек своего стола.

– Ну да, а на чем же еще ты можешь прыгать? – усмехнулся Гуров. – Давай, вспоминай скорей, а то нам уже пора. Надоело мне торчать в этих стенах. Если не удерем, чует мое сердце, Петр еще какую-нибудь подлянку выдумает. У него это запросто.

– Ужасно коварный тип милицейской наружности, – поддержал Стас.

– Ну так вспомнил или как?

Стас быстро набрал номер на телефонном аппарате.

– Верочка? О вера моя в надежду настоящей любви... – проворковал он в трубку, когда ему ответили. – Это опять и снова несравненный Крячко беспокоит. Я хотел бы признаться вам, Верочка, что... Да. Что? Ну, типа да. Да, записываю, да... – Стас, прервав свои излияния, начал что-то писать на листке бумаги авторучкой, кивая головой.

Закончив, он, проговорил:

– Спасибо, Верочка, но вы так и не выслушали меня. Начинаю снова, с того же места, на котором нас прервали суровые служебные отношения. Я... – Стас снова прервал свою речь и снова закивал, вслушиваясь в трубку. – Да, Верочка, да, спасибо, идем работать. Конечно, идем. Летим даже, а не идем! И вам того же!

Стас положил трубку и повернулся к Гурову:

– Ну вот и все, мой господин. Видишь, какой я умный?! Диктую слова, внемли, человеку, и запоминай: Трубниковский переулок, дом шестнадцать, квартира номер пятьсот сорок четыре.

– Как я заметил, это не ты такой умный, а Верочка такая привычная, – ядовито сказал Гуров. – Она даже ждать не стала твоего вопроса, а сразу же продиктовала все, что нужно.

Гуров рассовал по карманам разные нужные мелочи, вроде авторучек и блокнотов, и махнул рукой:

– Пошли, пошли. Волка ноги кормят!

Стас застегнул куртку и поплелся за Гуровым.

– Пошли, пошли! – Гуров шутя толкнул его в плечо. – Трепотня закончилась, каждый знает свое место и маневр.

Они пошли по коридору, спустились по лестнице, вышли из здания главка и, переглянувшись, как-то сразу молча решили, что каждый поедет на место на своей машине. После ознакомления с местом преступления, вполне возможно, как оно частенько и бывало раньше, предстояло разъехаться в разные стороны и начинать работу каждому по отдельности.

Дом, названный Верочкой, стоял в глубине небольшого скверика и был ничем не примечательным. Таких домов тысячи в Москве, построены они в предпоследнее десятилетие советской власти и уже достаточно обтерты временем и людьми.

– Никогда бы не подумал, что любовницы банкиров живут так непрезентабельно, – заметил Стас, дожидаясь Гурова около своей машины. – Или банк совсем маленький, или банкир совсем жадненький.

Он въехал во двор первым и первым поставил свой «Мерседес» недалеко от подъезда.

Здесь уже стояли знакомые три или четыре машины экспертов, вокруг подъезда суетились вездесущие старухи и несколько женщин среднего возраста.

– Вон еще подъехали, – услышал Гуров громкий шепот, и внимание чаящих зрелищ зрителей обратилось на них со Стасом.

– Банкиры бывают разные, и любовницы тоже, – проворчал Гуров. Он не любил такого назойливого всенародного внимания. Оно его раздражало.

– А говорят еще, что этот-то был не из самых последних, – заметил Стас, пропуская Гурова впереди себя.

– Любовница, значит, тоже, – коротко ответил Гуров, направляясь в подъезд.

Они вошли в лифт, и Гуров нажал на цифру «двенадцать».

Двери пятьсот сорок четвертой квартиры были раскрыты, оттуда слышались негромкие деловитые мужские голоса.

– Ну, вроде это здесь, – обозначил Стас. – Нашли и даже не заблудились!

Гуров молча вошел в коридор квартиры.

Сразу же за дверью сыщики встретились со знакомым экспертом из отдела.

– Ого! Наше почтение доблестным сыскарям! – воскликнул эксперт, протягивая руку Гурову. – Вас, значит, сюда сунули, Лев Иванович?

– Сунули сюда тебя, Николай Николаевич, а мне предложили разгрести это дерьмо, – буркнул Гуров, пожимая руку эксперту.

– Ну и сразу обиделся! – улыбнулся эксперт. – Ты прямо как девочка.

– Что выросло, то выросло, – ответил Гуров, проходя в квартиру. – Ты здесь за старшего?

– Был Кудашев, такой же опер, как и ты, только чином поменьше, – ответил Николай Николаевич, здороваясь со Стасом. – А теперь, наверное, ты, я так понимаю.

– Правильно понимаешь, – заметил Стас, проходя следом за экспертом и Гуровым дальше в квартиру. – Ого! Добрый день, девушка!

Двухкомнатная квартирка, в которой произошло убийство, была небольшой, но премиленной. Здесь преобладали розовый цвет и мягкость. Все выглядело бы прекрасным любовным гнездышком, не будь оно таким приторным.

Сама хозяйка квартиры, молодая стройненькая брюнетка, сидела в первой комнате на кровати с ногами и испуганно смотрела на каждого входящего.

На приветствие Стаса она не ответила, только еще более испуганно взглянула на него и сильнее прижала коленки к груди.

– Это кто? – Гуров кивнул на девушку и повернулся к эксперту.

– Ну-у-у, как сказать, – Николай Николаевич улыбнулся и пояснил: – В общем, она тут живет. Жила, точнее.

– Ясно, – Гуров кивнул Стасу на девушку. – У тебя сегодня настроение лирическое и поэтическое, познакомься, пожалуйста, а я пойду посмотрю, что тут еще есть интересного.

– Ага. – Стас подошел, кивнул девушке, никак на него не отреагировавшей, и присел на край кровати.

Гуров прошел во вторую комнату и, ничего интересного там не увидев, кроме трех мужчин, явно не принадлежащих к его ведомству, вышел оттуда и заглянул в ванную.

Труп Ветринова уже упаковывали в черный плотный полиэтиленовый мешок, и двое сотрудников из спецметоддела, оба одетые в зеленые прорезиненные комбинезоны и резиновые перчатки, уже заканчивали приготовления к выносу.

– Ну что здесь? – Гуров обратился к ближайшему сотруднику, который был старшим этой группы.

– Да ничего, Лев Иванович, вскрытие покажет, – ответил тот традиционно.

– Ты всегда мне говоришь одно и то же, – поморщился Гуров. – Предварительно что-нибудь можно заключить?

– Только то, что визуальных следов насилия не обнаружено. Смерть наступила приблизительно два часа назад. Девушка быстро вызвала «Скорую», но ребята ничего уже не могли сделать, только констатировали смерть. Если судить по цвету тела, то причина смерти не тромбоэмболия. На лице нет страдания, то есть скорее всего не инфаркт. Ну а что конкретно, пока не знаю. Вскрытие покажет.

– Оно покажет атрофию дыхательных мышц. Ветринов просто перестал дышать, вот и все, – сухо объяснил Гуров.

– А ты откуда знаешь?

– А ты думаешь, почему я здесь? – вопросом на вопрос ответил Гуров. – Только для того, чтобы гадать на кофейной гуще, отчего он умер? Я это и так уже знаю.

– Ну ты даешь, Иваныч! – Сотрудник в зеленой униформе раскрыл рот и с недоверием взглянул на труп, уже упакованный его помощниками в пакет. – Ну, спорить не буду, чисто внешне вполне допускаю и мысль об отравлении. Но ты-то откуда знаешь? Ты же только что приехал?!

– Есть такая умная штука – телефон называется, – ответил Гуров, выходя из ванной. – Советую познакомиться, не разочаруешься.

Гуров вернулся в комнату, где сидели на разных стульях и креслах трое мужчин. Он снял пальто и бросил его на спинку стула.

– Я полковник Гуров, Лев Иванович, старший оперуполномоченный главка, – сказал Гуров, ни к кому конкретно не обращаясь. – Ну а вы кто такие, господа хорошие?

Самый старший из мужчин, похожий на боксера на пенсии, седой, стриженный под ежик, с ленивой походкой уставшего спортсмена, встал, подошел и положил перед Гуровым свою визитную карточку.

– Начальник охраны «Оферта-банка» Лористонов Дмитрий Олегович, – прочитал Гуров. Лористонов пододвинул стул и сел напротив Гурова.

– Господин полковник, – неожиданно высоким голосом сказал он. – Нас всех очень бы устроило, если бы вся эта история осталась максимально конфиденциальной и...

Гуров поднял на Лористонова тяжелый взгляд. Тот замолчал.

– Я буду вам задавать вопросы, а вы будете на них отвечать. А что и как получится дальше, это уже даже не моя епархия. Пока я бы хотел переговорить с вашим врачом. Это кто?

Молодой человек, до этого сидевший на стуле у окна, дернулся, пригладил ладонью торчащие в разные стороны волосы и подошел.

– Это я, – тихо сказал он и испуганно взглянул на Гурова.

Гуров сразу же отметил это, но промолчал, запомнив на всякий случай.

– Вот вы и присядьте, – Гуров взглянул на врача и махнул ему пальцами, – а вы, господин... – Гуров покосился на визитную карточку: – Господин Лористонов, освободите пока местечко.

Лористонов с секунду помедлил, буравя взглядом Гурова, затем медленно поднялся и пробормотал с нажимом:

– Зря вы так, господин полковник. Зря.

– Каждому овощу свое время, – буркнул Гуров. – Мы с вами еще побеседуем, вы не расстраивайтесь раньше времени. Успеете еще.

– А я и не расстраиваюсь, – Лористонов отошел к окну и сел на стул, на котором только что сидел врач.

Он что-то еще проворчал, но Гуров решил пока не обращать на это внимания. Еще будет время для приведения в чувство этого отставного боксера.

– Ну-с, молодой человек, – Гуров взглянул на осторожно присевшего на стул врача. – Меня интересует все, что произошло, и прежде всего то, почему вы подумали об отравлении? Ваш шеф что-то подозревал на этот счет?

– Нет, вы знаете... – молодой человек засмутился и кашлянул. – Простите, я забыл, как вас зовут...

– Лев Иванович, – напомнил ему Гуров. – Но уж тогда и вы представьтесь.

Гуров уже знал из разговора с генералом Орловым всех присутствующих, но, видя поведение молодого человека, решил пока вести допрос в максимально щадящем режиме. По крайней мере, пока сам врач не даст поводов для другого к нему отношения.

– Ржевский Илья Григорьевич, – пробормотал молодой человек. – Врач второй категории.

– Мне повторить мой вопрос? – спросил Гуров.

– Что? Не нужно. Нет, – молодой человек покусал губы, пощелкал суставами пальцев и, запинаясь, начал говорить: – Тут, в общем, вот что. Дело в том, что Анатолий Анатольевич всегда опасался покушений. Не именно отравления, а вообще покушений, понимаете?

Гуров кивнул:

– Продолжайте. Я слушаю.

– Так вот, – кашлянул Ржевский, – помимо постоянной охраны, которая рядом с шефом, я тоже всегда с ним был, вот. В мою компетенцию входила апробация блюд... Для этого я ношу с собою чемоданчик с реактивами, ну и... в общем, когда Нонна Петровна выскочила за дверь встречать врачей «Скорой помощи», охрана вошла и срочно вызвала меня. А я сидел внизу в машине сопровождения...

– Я не понял, – Гуров взял лежащую перед ним на столе визитную карточку и позвал: – Господин Лористонов!.. Дмитрий Олегович!

– Да-да! – Лористонов словно ждал этого, он тут же, легко соскочив со стула, подошел к Гурову. – Рад ответить на все ваши вопросы.

– Я не понял одной фразы из слов этого доктора, – холодно произнес Гуров. – Получается, что вы вошли в квартиру только после того, как девушка... забыл ее имя...

– Нонна, – напомнил Лористонов.

– Вот именно, Нонна, – сказал Гуров. – После того, как девушка открыла дверь врачам. Почему она не позвала вас раньше, тем более что у вас в машине был свой врач?

– Ну, во-первых, господин полковник, – Лористонов снисходительно улыбнулся, – я не начальник охраны господина Ветринова, а начальник охраны банка. Меня лично здесь не было...

– Охрана Ветринова вам подчиняется? – быстро уточнил Гуров.

– Безусловно. А что?.. – Лористонов, как видно, не привыкший к тому, что его перебивают, на мгновение растерялся, но тут же нахмурился и неприязненно взглянул на Гурова.

– Продолжайте! – потребовал Гуров.

– Я и продолжаю, – с вызовом произнес Лористонов. – Итак меня здесь не было, я приехал через двадцать пять минут после того, как меня вызвали. Это, как я уже сказал, во-первых. А во-вторых, господин полковник, наличие личной охраны вовсе не подразумевает, что люди должны были находиться в самой, извините за натурализм, спальне. Анатолий Анатольевич лично мне говорил, что охрана не должна быть заметной. Девушка о ней не знала.

– А это кто? – Гуров кивнул на третьего мужчину, до сих пор сидевшего молча.

Это был лысый, меланхоличного вида мужчина приблизительно пятидесяти лет. Внешне он напоминал заскорузлого бухгалтера из средненькой фирмы.

– А это начальник личной охраны господина Ветринова – Бурляев Федор Игнатьевич, – сказал Лористонов.

– Подойдите, – Гуров подозвал Бурляева, а Лористонову снова показал на его место. Лористонов вздрогнул оскорбленно, но промолчал.

Бурляев приблизился.

Он казался растерянным, но только казался. Наметанный глаз Гурова сразу же, как только Бурляев встал, выцепил и твердую походку, и спортивный разворот плеч, и только опытным бойцам присущую внешнюю угловатость движений, смысл которой можно понять лишь после того, как сам не один год позанимаешься рукопашным боем.

Гуров понял, что перед ним очень опытный человек, скорее всего имеющий за своими плечами службу в спецназе или ВДВ.

– Правильно ли я понимаю, что эта девушка, – Гуров нарочно не стал произносить претенциозное имя «Нонна», – знать не знала и ведать не ведала об охране, находящейся буквально за дверью квартиры?

– Совершенно верно, не знала, – спокойно ответил Бурляев.

Гурову этот человек понравился больше, чем Лористонов.

– А почему? – спросил Гуров.

– В нашу обязанность входила охрана господина Ветринова не от нее, – скупо ответил Бурляев.

– Хорошо, принято, – кивнул Гуров и снова обратился к доктору: – Продолжайте! Итак, вас вызвали, и что же было дальше?

Бурляев, видя, что вопросов к нему пока больше нет, вернулся на свое место и спокойно сел.

– Я осмотрел... тело до приезда врачей «Скорой помощи» и понял, что реанимационные мероприятия уже не помогут, – доложил Ржевский, – то есть я констатировал смерть. Но официально я это сделать не мог, это сделали врачи из бригады «Скорой помощи», когда приехали по вызову.

Гуров молча кивнул.

– Так как уже приехали врачи «Скорой помощи», то после констатации смерти я не стал больше... ну как бы вам это сказать... – Ржевский снова замаялся, и Гуров кивнул, понимая, как сложно врачу произнести что-то вроде «заниматься бесполезным делом». Ржевский благодарно улыбнулся и продолжил: – И, в общем, я решил заняться своими прямыми обязанностями. Я не подозревал ничего, но как бы вам это объяснить... Что-то ведь я должен был делать... Короче говоря, я взял пробу из бутылки, достал свои химикаты... и вот... в общем, я обнаружил посторонний ингредиент...

– А вы делали свой анализ один? – в упор спросил Гуров.

– Это не анализ... это проба. Я не уверен, что этот ингредиент именно яд... Я говорю как исследователь и не имею права ничего утверждать. Поймите меня... но я считаю, что он из разряда цианидов и... в общем, это все.

Гуров повторил:

– Вы делали анализ один?

– Ну да. – Ржевский пожал плечами, как бы говоря, что не понимает важности этого вопроса.

– Кто-нибудь присутствовал при этом?

– Вот эти господа, – Ржевский рукой показал на Лористонова и Бурляева, подумал и добавил: – И... и Нонна, конечно.

Гуров потер лоб.

– Вот что, доктор. Твое любопытство или преданность долгу, называй, как хочешь, но я бы это назвал глупостью, сыграли с тобой дурную шутку. Ты полез не в свой курятник, малыш.

– Как раз в свой, – попробовал улыбнуться Ржевский.

– Нет, не в свой! – рявкнул Гуров. – Откуда я знаю, что ты сам не подбросил в вино то, что там потом обнаружили и наши эксперты? Откуда я знаю, что это Лористонов не приказал тебе это сделать? Или не заставил?!

– Позвольте-позвольте, господин полковник! – Лористонов вскочил со своего стула и быстро подошел к Гурову. – Я не собираюсь тут выслушивать...

– Не позволю! – Гуров стукнул кулаком по столу. – Я высказываю предположения, и никто не может мне помешать делать это! Короче, доктор, поедешь со мной! Это однозначно, как говорит один политический весельчак. А вы двое будете сейчас писать показания. Меня интересует все. Весь период от того момента, как каждый из вас вошел в эту квартиру.

Гуров понимал, что, оставшись вместе, эти три кадра вполне могут сговориться и дать согласованные показания, да скорее всего так оно и будет. С другой стороны, у них для этого уже было время, но любой, даже самый тщательно проработанный сговор не выдерживает хорошей логической атаки опытного опера. А написанное пером не вырубешь топором. И Гуров решил позволить им писать все, что они хотят. После того как показания будут написаны и подписаны, вот тогда и начнется игра, если в ней будет необходимость.

– Требуй адвоката, Ржевский, – веско заявил Лористонов, – они не посмеют тебе отказать. Уже не то время.

Он собрался еще что-то добавить такое же умное и полезное, но Гуров его прервал:

– Адвокат вам, возможно, и понадобится, но только после того, как вам будет предъявлено обвинение или же вы подвергнетесь аресту, что практически одно и то же. Я вас не арестовываю, я предлагаю, – тут Гуров улыбнулся Лористонову и подумал, что нужно будет обязательно сбить спесь с этого надутого прыща, – предлагаю поехать со мной для дачи свидетельских показаний.

Гуров увидел, что Ржевский вовсе не был похож на тертого опытного преступника, и что именно у него прячется внутри, нужно было выяснить в ближайшее время. Но только не здесь, а в управлении. Сама атмосфера главка способствовала тому, что задержанные начинали говорить долго, охотно и, самое главное, правдиво. В случае же со Ржевским требовалось просто время и место для спокойного разговора. Времени сейчас у Гурова не было, ну а что может быть лучшим местом для разговора, чем собственный кабинет?

– Вы уже написали, господа, о чем я вас просил? – спросил Гуров, обращаясь к Лористонову и Бурляеву.

– Нет пока, – высокомерно ответил Лористонов за двоих и уткнулся в листок, по которому он неторопливо водил ручкой.

Гуров встал со стула и кивнул Ржевскому:

– Собирайтесь, доктор.

Ржевский закивал, покраснел и суетливо начал простукивать себя по карманам, словно, придя в эту квартиру, он много чего из карманов повываскивал, а теперь уже и не знает, как все это собрать обратно.

Было ясно, что парень просто волнуется. Это было еще одним доказательством его невиновности, косвенным, неявным, но опытному Гурову это волнение сказало многое.

Гуров взглянул на Ржевского и молча вышел из комнаты. В этот момент послышался резкий женский крик из спальни.

Гуров покачал головой: с женщинами всегда так. Сперва ведут себя тихо, потом вдруг ни с того ни с сего начинают биться в истерике.

Так случилось и сегодня.

Нонна, сидевшая на кровати молча и неподвижно, словно в оцепенении, казалось, даже не обращала внимания на подсевшего к ней Стаса Крячко.

Стас, имея большой опыт в беседах с женщинами, ставшими свидетельницами убийства или просто смерти близкого человека, начал говорить негромко и спокойно.

Он пока ни о чем не спрашивал, он пытался по своей собственной, давно отработанной методике наладить сперва контакт, рассказывая кучу всяких мелочей из своей жизни, из практики, отпуская комплименты, и когда он уже почти подошел к началу разработки, случилось то, что случилось.

Нонна, словно очнувшись от сна или ступора, взглянула на него широко раскрытыми глазами и заорала. Заорала так, словно сейчас ее начнут убивать.

Стас от неожиданности скатился с кровати, на которой уже так удобно сидел, и наткнулся на задумчивого патологоанатома, сидящего за столом и карябающего авторучкой бланк медицинской карты.

Нонна продолжала кричать, стуча кулаками по подушке и дергая на себя покрывало.

– Сделай что-нибудь! – Стас вырвал авторучку у патологоанатома и потянул его к Нонне. Патологоанатом внимательно посмотрел на девушку, потом на Стаса.

– Это не мой клиент, – меланхолично ответил тот, – а твой. Сам и лечи. Методы тебе все известны.

– Ну, уколи ее, я не знаю...

– Я тоже. – Патологоанатом отобрал у Стаса свою авторучку и спокойно продолжил записи.

Гуров вошел как раз в эту минуту, когда Нонна схватила с кровати подушку, замахнулась, запустила ею в Стаса и закричала:

– Он умер! Вы понимаете, он умер! А вы пристаёте ко мне с такими вопросами!!!

– Не сложилось у тебя с женщинами, как я посмотрю, – заметил Гуров Стасу. – А вроде тренировался, и даже сегодня.

– Она неправильная женщина, – несколько смущенно заявил Стас, поднимая с пола подушку и аккуратно кладя ее на стол почти перед самым носом непробиваемого патологоанатома. Патологоанатом поверх очков взглянул на Стаса и молча отодвинул подушку.

Нонна, очевидно, войдя в азарт и во вкус, подхватила вторую подушку и запустила ею в Гурова.

Гуров поймал подушку и послал ее обратно. Нонна, получив обратно свой подарочек, от неожиданности замолчала, всхлипнула, отшвырнула подушку, попавшую ей в голову, и зарыдала в полный голос. Однако было ясно, что она уже начала успокаиваться. Первая дурь прошла.

– Слушай, Лев Иванович, возьми меня учеником, пожалуйста, – пошутил Стас. – Чтобы так научиться, нужно два раза жениться?

– Достаточно просто подумать. Один раз, – ответил Гуров.

– Она не дала мне такой возможности.

– А ты не разбегайся, прыгай. Самый надежный метод в непонятной ситуации. В общем, так. – Гуров повернулся к Стасу, совершенно не обращая внимания на крики девушки, уже начавшей биться головой о постель. – Я взял с собой одного человечка, а ты, наверное, оставайся здесь и попробуй наладить контакт с девчонкой. Сейчас самое время ее пожалеть.

– Ты думаешь? – Стас очень ловко разыграл неуверенность и даже робость. Гуров покоился на него и хмыкнул.

– Я что тебе сказал?

– Как обычно, «не разбегайся», и... ну все остальное прочее.

– Вот ты и не разбегайся. Здесь твоя грядка, тебе виднее.

Гуров кивнул Стасу, пожал руку патологоанатому и, забрав с собой Ржевского, вышел из квартиры.

Он отвез Ржевского в управление, посадил его в отдельный кабинет и дал в руки бумагу и авторучку.

Задерживаться с доктором дольше, чем требовалось самой насущной необходимостью, Гуров не собирался. Доктор начал созревать еще в машине, и Гуров не решился по причине недостатка времени довести процесс до логического конца. После своего возвращения из офиса «Оферта-банка» он собирался просто выслушать все, что тот ему сам захочет сказать.

Оставив Ржевского наедине со своими мыслями, Гуров спустился вниз и сел в свой «Пежо».

Нужно было разобраться с делами Ветринова на его рабочем месте.

Когда убивают банкира, даже если это случается почти в объятиях любовницы, все равно чуть ли не на сто процентов причина убийства находится или в банке, или рядом с ним.

Гуров оставлял несколько процентов на ревность и прочую бытовуху, но что-нибудь нарыть больше шансов было в банке. Туда он и поехал.

Глава вторая

Стас, после ухода Гурова оставшись в квартире, задумчиво почесал затылок и решил продолжить свое знакомство с девушкой Нонной.

Успокоившись, девушка уже не билась головой о матрас и не кидалась всяческими предметами. Она снова замерла и только пальчиками перебирала розовую простыню.

Стас покурил, посомневался, покосился на патологоанатома и снова присел на край кровати.

– Давайте договоримся раз и навсегда, – терпеливо начал он, готовясь при первом же резком движении этой страстной дамы сразу же вскочить и отойти на безопасное расстояние. – Вы не будете кидаться подушками и всеми остальными штуковинами, какие подвернутся под руку, ладненько? Это было бы пошлым повторением уже однажды пройденного. Метод не сработал, как вы сами видите.

– Какой еще метод? – тихо спросила Нонна, не поднимая глаз и не глядя на Стаса. Надо было понимать, что разглядеть его девушка успела раньше, когда в него целилась.

– Кидательный. Кидательный метод не сработал, – усмехнулся Стас и сел чуть свободнее. – Следовательно, нам остается только одно, Нонночка.

– И что же это? – Нонна бросила быстрый взгляд на Стаса и отвернулась, гордо и независимо шмыгнув носом.

– Поговорить надо, – осторожно произнес Стас таким тоном, словно вместо приличного слова «поговорить», он собирался произнести что-то неприличное.

– Толя умер, – тихо сказала Нонна, повернулась и впервые в упор взглянула на Стаса.

– Это так, – с готовностью, но все еще осторожничая, согласился Стас. – Но ситуацию уже не изменить ни подушками, ни криками. Значит, ее нужно принять такой, какая она есть.

Нонна внимательно посмотрела на Стаса, нагнулась и подняла с пола свою сумочку. Раскрыв ее, она вытрясла на кровать свои мелочи, подобрала зеркальце, платочек и начала поправлять поплывшую на глазах тушь.

Стас бросил взгляд на все остальное, выпавшее из сумочки и лежащее на кровати. Взяв ключи, лежащие отдельной связкой, он спросил:

– Это от чего ключики?

– Вот эти два – от этой квартиры, – нехотя буркнула Нонна, не отвлекаясь от своего занятия. – Можете забрать их себе, они мне больше не понадобятся.

– Квартира эта, значит, не ваша? – уточнил Стас, рассматривая ключи.

– Нет, не моя. – Нонна поправила глаза, подрисовала губы, тяжело вздохнула и только сейчас подумала о том, что больше ей здесь не жить.

От этой мысли стало совсем грустно. Она уже успела привыкнуть и к этой квартире, и к своему режиму: спать, бегать по магазинам, встречать Толю, спать с Толей, потом провожать Толю, смотреть телевизор и уже спать по-настоящему.

– Значит, не ваша, – констатировал Стас.

– Толя так и не купил для меня эту квартиру, и хозяйка наверняка меня выгонит, – вздыхая, объяснила Нонна, – потому что сама платить за квартиру я не смогу.

«Блин! – подумала тут Нонна. – А как же мне теперь жить?»

– Вы думаете о том, что вас, наверное, заподозрят в этом убийстве? – спросил Стас, стараясь пробудить в девушке хоть какие-то мысли о реальности. То, что она начала прихорашиваться, подсказало ему, что Нонна совершенно не понимала сложности и двусмысленности своего положения.

– Что? Как это «меня заподозрят»? – Нонна от неожиданного вопроса уронила зеркальце и вытаращила глаза на Стаса. – Как это «в убийстве»? Он же сам! Он сам! Я сама видела!

– «Он сам» что? Что он сделал сам? – уточнил Стас, усаживаясь глубже и удобнее на кровать. – Он сам налил себе отраву в вино, перед тем как это вино выпить? Интересная информация! Это вы видели своими глазами?

– К-какую еще отраву? – потерянно переспросила Нонна. – Я ничего не знаю...

– Даже так? – Стас едва не рассмеялся. А разве это было не смешно? Убили Ветринова, набилась полная квартира оперативников, экспертов и прочих работников соответствующего ведомства, разговоры идут только об убийстве, а эта неврастеничка до сих пор, оказывается, думала, что «он сам»!

– Ну так я вам сейчас объясню, – сказал Стас.

Сидевший за столом угрюмый патологоанатом бросил на Стаса несколько равнодушных взглядов и снова уткнулся в свою бумажку.

– А дело было так, – нарочито неторопливо начал Стас. – После того как вы запустили охрану, с нею поднялся и врач Анатолия Анатольевича, который и сделал предварительный химанализ. Врачи со «Скорой» не опровергли его, но вызвали наших спецов вместе с нарядом. Пока наши ребята брали показания у вас...

– Ничего они у меня не брали, – возразила Нонна, – никто у меня ничего не брал! Так и знайте!

– Почему это? – Стас нахмурился. Нонна оказалась настолько не от мира сего, что это даже уже и не удивляло. – Почему вы говорите, что у вас никто ничего не брал? – повторил вопрос Стас.

– А потому что я им показаний никаких не дала! – крикнула Нонна. – Буду я еще общаться со всякими... – Она вовремя сообразила, что начала говорить что-то не то, и замолчала.

– Значит, у вас все впереди, девушка, – рассудительно обнадежил ее Стас. – Ваши дружки уже прошли через это. И ничего с ними не произошло. Не похудели. Ну а врачу господина Ветринова придется знакомиться с нами все ближе и ближе.

– Илье? – подскочила Нонна. – Вы говорите про Илью? То есть, я хотела сказать, Илью Григорьевича? А почему?

– А почему он начал проводить химанализ? – вопросом на вопрос ответил Стас. – Кто его просил лезть не в свое дело?

– Это его обязанность! Он врач и должен это делать! – неосторожно и запальчиво высказалась Нонна, но тут же подумала и добавила: – Кажется.

– Кажется! Как сказать и как посмотреть на это! Человек внезапно умер, и причину смерти должен определить не врач из частной лавочки, а специалист, уполномоченный на то государством.

– Вы что, серьезно говорите, что Илью могут посадить в тюрьму? – Нонна так переволновалась из-за судьбы Ржевского, что и не скрывала этого.

Стас отметил этот момент, но решил оставить его на потом. На сладкое, так сказать.

Отношения Ржевского и Нонны могли еще сыграть свою роль в расследовании. Сам факт такого сильного искреннего волнения Нонны уже был интересен, если не сказать больше. Совершенно естественно было предполагать, что где-то рядом с этими отношениями или даже прямо в них мог лежать мотив. Мотив убийства Анатолия Анатольевича Ветринова.

– Вы почему молчите? – Нонна испугалась. Это было заметно и по ее расширенным глазам, и по дрожащему голосу. – Вы хотите посадить Илюшу в тюрьму? Да? В тюрьму? Но за что?!

– Ну, в тюрьму не в тюрьму, а посидеть у нас в следственной камере ему придется, – сокрушенно вздохнув, ответил Стас и развел руками. – Ничего с этим уже поделать нельзя.

Нонна изумленно посмотрела на Стаса.

– Это же нечестно, несправедливо! – воскликнула она.

– Очень даже справедливо, – Стас решил ковать железо, пока горячо. Ему удалось захватить внимание Нонны, вступить с нею в разговор, и теперь он постарался продолжить его, не меняя скорбного выражения своего лица: – Ваш Илья Ржевский должен был знать пределы своих обязанностей. Почему он полез в анализы, которые все равно не смог провести на должном уровне?

– Как это не смог? – возмутилась Нонна. Она так взволновалась, что пересела на кровати ближе к Стасу и даже не заметила этого, хотя раньше очень внимательно соблюдала интервал-дистанцию. – Вы видели, какие у него приборы? У Путина в кремлевской больничке таких нет, я вам точно говорю. Толя очень заботится о своем здоровье...

Нонна замолчала, прерывисто вздохнула и поправилась:

– Заботился. Заботился Толя, но все оказалось бесполезно...

На ее глаза навернулись слезы, она зашмыгала носом.

– Вот это нам и интересно. – Стас уже привычно сделал вид, что не замечает резкого перепада в настроении Нонны. Он хорошо помнил, на какие подвиги она бывает способна, когда начинает биться в истерике, и поэтому очень постарался продолжать говорить в прежнем тоне, то есть мягко, но непреклонно: – Кто же знал, что он такой заботливый? Я про Анатолия Ветринова говорю. Или это знали все?

– Откуда же я знаю, все или не все? – закричала Нонна. – Я же не все! И на работе у него я никогда не была.

– Задача, однако... – Стас почесал за ухом, потом в затылке.

– Помылся бы ты, заяц, – слабо улыбнулась Нонна.

– Что? Что вы сказали? – Стас даже ошалел на минуту. Он думал, что девушка на пороге нового приступа истерики, а она, оказывается, даже не собиралась в нее впасть.

Патологоанатом меланхолично фыркнул за столом, не поднимая головы.

– Что? Смеешься? – обиделся Стас на отсутствие у того товарищеского к нему отношения. – Твои клиенты с тобой так не шутят? А вот мои шутят, как видишь!

– Это кто? – впервые полюбопытствовала Нонна, показывая на патологоанатома, продолжавшего аккуратно выводить строчки в медицинской карте.

– Врач узкой специализации. Патологоанатом называется, – вежливо объяснил Стас. – Знаете значение этого сложного слова?

– Знаю. А ты... вы кто? – Нонна с запоздавшим подозрением покосилась на ковбойские сапоги и курточку Стаса. – Тоже пат... патологоанатом? Или психиатр? Я – не сумасшедшая!

– А я полковник Крячко, – Стас поклонился, что смотрелось немного комично, потому что он продолжал сидеть на краю кровати. – И я вместе с другим полковником, – продолжил Стас, – занят теперь расследованием убийства твоего Толика. Пардон, Анатолия Анатольевича Ветринова.

– А где тот полковник? – спросила Нонна.

– Доктора повез на разговорчики. Да ты же с ним уже почти познакомилась. Он в тебя подушкой кинул. Уже забыла?

– Помню, – нахмурилась Нонна и отвернулась.

Сделала она это вовремя, потому что в это время послышались шаркающие шаги нескольких человек, и мимо двери в комнату пронесли труп Анатолия Ветринова, завернутый в черный полиэтилен.

Нонна повернулась, взглянула в коридор и задрожала. Стас подсел к ней еще ближе и погладил по спине. Нонна, всхлипывая, прижалась к его плечу. Ткань рубашки на плече Стаса стала влажной от слез и темной от туши.

Патологоанатом негромко кашлянул за столом и что-то пробормотал. Нонна в ответ зарыдала сильнее.

– Ты что-то сказать хочешь? – спросил Стас, оборачиваясь.

– Мы уезжаем, Стас, – сказал патологоанатом. – Тебе ничего не нужно?

– Нет. Пока.

– Пока-то пока, но Лев Иванович оставил в комнате двух кадров, они там что-то типа анонимок друг на друга строчат. Не хочешь пойти посмотреть? Или не нужно мешать?

– Два кадра, говоришь... – задумчиво протянул Стас и осторожно освободился от Нонны. Она отпрянула к подушкам и зарылась в них лицом.

Стас посмотрел на мокрое пятно на плече, потер его и прикрыл это место курткой.

– Ну что ж, – проговорил он, слезая с кровати, – пойду знакомиться с кадрами. А вы уезжаете прямо сейчас?

– Ну-у, типа, – ответил патологоанатом, укладывая свои бумажки ровной стопочкой и пряча их в папку. – Типа прямо сейчас.

Стас встал, одернул куртку и вышел из комнаты, в дверях оглянувшись на Нонну. Она, волнообразно вздрагивая всем телом, тихо рыдала.

Стас прошелся по коридору и заглянул во вторую комнату.

Лористонов и Бурляев уже закончили свои бумажные дела и, стоя около окна, о чем-то тихо переговаривались.

– Ну что, господа хорошие, насочиняли свои тексты? – Стас подошел к столу и взял с него исписанные разными почерками листки.

– Та-ак, так-так, – он просмотрел первые показания и спросил: – Лористонов, это кто такой? Вот здесь расшифруйте, пожалуйста, свою подпись, – он показал конец одного листка, Лористонов подошел и в скобках поставил расшифровку фамилии.

– Спасибо. А у Бурляева все правильно... Я вас больше не задерживаю, господа, – Стас еще раз просмотрел листки и остался доволен. – Если вы нам еще понадобится, то в установленном порядке вас пригласят для разговора или...

– Или? – спросил Лористонов своим тонким голосом. – Или не пригласят?

– Или вызовут, – закончил Стас. – Вызовут! Какое будет принято решение, пока не знаю, разумеется. Не только от меня сие зависит.

– Пригласят, – повторил Лористонов, – или вызовут.

Он задумчиво переглянулся с Бурляевым.

– Вот именно, – согласился Стас и широко улыбнулся. – Других вариантов нет и быть не может.

Он показал руками на дверь, и два босса охраны «Оферта-банка» вышли из квартиры.

Проводив Лористонова и Бурляева и заперев за ними дверь, Стас послушал тишину в квартире, встал и обошел ее всю, заглядывая во все помещения. Когда он вернулся, Нонна уже сидела в кресле, а не на кровати и курила длинную желтую сигарету, вставленную в пластмассовый мундштук.

Стас уселся в кресло напротив.

– Вы хотели меня о чем-то спросить? Спрашивайте. Или мне сначала нужно пригласить адвоката? У меня его и нет, – она слабо улыбнулась и отвела глаза.

– Адвокат нам пока не нужен, – заметил Стас, тоже доставая сигареты из кармана. – Вы даже не задержаны, а я всего лишь пришел к вам в гости.

– В гости? – повторила Нонна и впервые с каким-то любопытством осмотрела Стаса. Стас под этим взглядом переложил ногу на ногу, немного смутился и опустил голову, прикуривая от зажигалки.

– Я ничего против вас не имею, – весьма рассудительно продолжила Нонна, – но в гости к себе все-таки не приглашала.

– Меня пригласили обстоятельства, – нашелся, правда, не очень удачно, Стас. – Можно даже сказать, что пригласил сам Анатолий Анатольевич, потому что без того, что произошло, я бы не заявился к вам, это уж точно.

Нонна встала и тихо спросила:

– Вы чаю хотите?

– Куда ж деваться, – ответил Стас. – Я вижу, вы поняли, что я долго не собираюсь уходить.

– Не поняла, но заподозрила, – ответила Нонна. – Я с милиционерами еще не сталкивалась, но с мужчинами знакома. Чуть-чуть.

– Замечательно! – восхитился Стас.

– Что я знакома с мужчинами?

– Нет, хотя и это, наверное, тоже. Меня давно никто не называл милиционером! Не хотите ли со мною познакомиться? Меня зовут Стас.

* * *

Лев Иванович Гуров подъехал к центральному офису «Оферта-банка» в двенадцать часов.

Он поставил «Пежо» напротив входа, зашел и, обратившись к менеджеру, показал удостоверение и попросил провести себя к управляющему.

– Управляющему? – Менеджер, высокая девушка с короткой стрижкой, удивленно подняла брови и покосилась в сторону.

Гуров почувствовал, что кто-то стоит у него за спиной, и повернулся.

За ним стоял молодой парень весьма мощной наружности, одетый в темно-синий костюм. Парень держал правую руку на кобуре, висевшей у него под мышкой под пиджаком, второй рукой он явно собирался схватить Гурова за плечо.

– Ваши документы покажите, пожалуйста, – тихонько прорычал парень, внимательно оглядывая Гурова с ног до головы.

Гуров полностью развернулся навстречу этой туповатой, но активной молодой поросли рода человеческого и резко спросил:

– А вы кто?

– Я сотрудник службы безопасности банка, – веско ответил парень.

Было заметно, что его отношение к Гурову начало меняться. Неизвестно, какой сигнал подала менеджер и на какую кнопку нажала, но если первым порывом парня было тащить и не пущать, то после внимательного осмотра Гурова он начал сбавлять пары.

Гуров молча протянул ему свое удостоверение.

– Что вам угодно? – спросил парень, внимательно изучив удостоверение и возвратив его хозяину.

– Мне угодно переговорить с вашим руководством, юноша, – небрежно ответил Гуров. – Еще вопросы есть?

– Пропусти его, Олежка! – раздался высокий мужской голос сзади, и Гуров повернулся.

За стеклянными перегородками, у двери, ведущей во внутренние помещения банка, стоял недавний знакомый Гурова – Дмитрий Олегович Лористонов.

– Прошу вас, господин полковник, – сказал Лористонов, увидевший, что Гуров его заметил и, разумеется, узнал. – Я не ожидал вас так скоро увидеть у нас.

– Я тоже не ожидал, что вы так быстро напишете свои показания. Надеюсь, все изложили подробно? – Гуров нарочно проговорил это громко, и все присутствующие в зале операторы и менеджеры удивленно повернулись к Лористонову.

Лористонов куснул губы и молча кивнул.

Гуров прошел к нему, и Лористонов, посторонившись и придерживая дверь, показал рукой на лестницу, ведущую наверх.

На втором этаже прямо над операционным залом находился большой квадратный холл, в который выходили двери пяти или шести кабинетов.

– Вам нужно направо, – услышал Гуров за своей спиной чуть запыхавшийся высокий голос Лористонова.

Услышав сзади тяжелое срывающееся дыхание начальника охраны, Гуров не замедлил шаг, а, наоборот, даже с некоторым удовольствием пошел еще быстрее.

За высокой дверью, сделанной из красного дерева или из очень удачной подделки под него, располагалась приемная, отделанная весьма дорого, но с излишней помпезностью и, можно сказать, даже с безвкусицей.

Над белыми крашеными стенами тяжело нависал потолок, отделанный дубом в стиле эклектического модерна начала двадцатого века. На стенах висели пять или шесть больших картин в широких золоченых рамах. Картины изображали написанные маслом скучные среднерусские пейзажи с претензией, однако, на некий авангардизм: в дополнение к привычным видам на заднем плане каждого пейзажа обязательно тарасилась на зрителя какая-нибудь рептилия размером с два «Бурана».

Модная тема, что и говорить.

За тремя столами в приемной сидели женщины с весьма и весьма деловым видом.

Как только дверь отворилась, вся их деловитость слетела. Они, как те самые рептилии на картинах, замерли глазами на Гурове и подоспевшем сзади Лористонове.

– Анна Марковна, – Лористонов нежно обошел Гурова и преувеличенно вежливо, как показалось Гурову, обратился к хозяйке центрального стола. – Этот господин из милиции хочет пройти к Вениамину Петровичу.

Анна Марковна, хозяйка центрального стола и, как видно, самая главная дама в этой приемной, высокомерно и глупо фыркнула, зачем-то отбарабанила не глядя что-то левой рукой по клавишам компьютера и медленно и достойно поднялась с низкого кресла.

Дама оказалась необыкновенно маленького росточка – почти карлица, что не мешало ей держаться с видом гордым и заносчивым.

– Как вас представить? – спросила она, пренебрежительно поглядывая на Гурова.

Голос Анны Марковны был низким контральто, в нем угадывались сила и воля. Если бы эта дама захотела крикнуть на плацу:

– К торжественному маршу, поротно, на одного линейного дистанции и прочее и прочее... – то, наверное, ее услышали бы даже в самой последней шеренге самой последней роты. Услышали бы и вздрогнули.

Гуров расстегнул пальто, неторопливо снял его и повесил на вешалку, стоящую в левом углу приемной. Он нарочно не отвечал на вопрос, и, пока занимался пальто, в приемной висела тишина. Лицо Анны Марковны, когда Гуров к ней повернулся, было цвета спелого граната.

– Я полковник Гуров Лев Иванович из Главного управления уголовного розыска, – медленно произнес Гуров. – Для чего я пришел, тоже нужно объяснять?

Анна Марковна внимательно посмотрела на Гурова и медленно качнула головой.

– Я догадываюсь, господин полковник, – весьма достойно произнесла она. – Это связано с безвременной кончиной нашего уважаемого президента господина Ветринова.

Все присутствующие дамы синхронно шмыгнули носами и потупились. На секунду, не больше. А потом снова с любопытством уставились на Гурова.

– Нам будет не хватать этого замечательного человека, которого мы все очень любили и ценили, – закончила торжественную часть Анна Марковна.

Дама скрылась за дверью, Гуров перевел взгляд на двух оставшихся. Они смело выдержали его взгляд, потом немного подумали и нехотя нагнулись над бумагами. Сыщик обратил внимание, что обе были очень похожи на Анну Марковну, только с поправкой на возраст и рост.

Анна Марковна появилась в приемной быстрее, чем Гуров ожидал. И минуты не прошло. Она вышла из кабинета, не стала закрывать двери и произнесла:

– Вас ожидают, господин полковник.

Подумав, что у этой дамы самый любимый фильм, наверное, про Шерлока Холмса и Берримора, Гуров прошел в кабинет управляющего «Оферта-банка».

Навстречу Гурову вышел, даже скорее не вышел, а выбежал почти вприпрыжку и как-то боком среднего роста лысый и толстый господин в темно-синем костюме-тройке и в красном галстуке.

– Полковник Гуров... – господин улыбнулся, но не радостно, а достаточно грустно, как бы намекая, что горе от потери любимого президента не дает повода на веселье, и крепко пожал руку Гурову. – Я Гранин Вениамин Петрович, управляющий центральным отделением «Оферта-банка». Прошу вас, проходите.

Гранин показал рукой не на свой стол, стоящий на возвышении у дальней стены кабинета, а влево, где около окна, начинающегося почти с самого пола, стоял длинный низкий стол с мягкими полукреслами вокруг.

Последним писком среди административных работников предприятий разных форм собственности стала беседа с посетителями за приставным столиком. Пример Путина оказался заразительным.

Гуров кивнул, пошел туда, куда ему показали. Как только он присел в кресло, в дверях показалась миниатюрная Анна Марковна с подносом в руках. На подносе стояли два заварника, две чашки и три розетки с вареньем и печеньем.

– Вы что предпочитаете к чаю, господин полковник? – почти приветливо поинтересовалась Анна Марковна. – Печенье, крекеры, бисквиты или по-домашнему – варенье?

– Ничего не предпочитаю, спасибо, – сухо сказал Гуров.

А Гранин, наоборот, предпочел все. Он показал жестом Анне Марковне оставить обе тарелочки на столе напротив себя, и та, выполнив указание шефа, вышла.

– На нас обрушилось такое горе, господин полковник, – почти доверительным голосом произнес Гранин, вздохнул раз, потом другой и взял с тарелочки печенье. – Такое горе! Утрата невозполнимая, – доверительно наклонившись вперед, сказал он и начал быстро кушать.

– Меня интересует, что за человек был Анатолий Анатольевич, – немного обескураженно произнес Гуров, глядя на жующего Гранина.

– Великолепный специалист международного уровня! – с полным ртом и оттого немного невнятно сказал Гранин, при этом у него изо рта посыпались крошки прямо в его чашку с чаем. – Вы знаете, господин полковник, сам Геращенко несколько раз звал нашего Анатолия Анатольевича в Центральный Банк своим заместителем, но Анатолий Анатольевич отказывался. Таких, как он, специалистов у нас в государстве немного. По пальцам пересчитать. По пальцам одной руки! Еще в советское время Анатолий Анатольевич стажировался в Италии в «Римском кредите» и ему предлагали контракт с окладом в восемьдесят тысяч долларов в год. Представляете? В советское время! Выдающийся специалист и как человек очень, очень замечательный и выше всех похвал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.